

РОССИЙСКИЙ
СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ VII

ПАРАДИГМЫ В ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И НАУКЕ

VII СЪЕЗД РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ

ТАМБОВ, 19—21 НОЯБРЯ 2009 ГОДА

Организаторы:

Н. В. Ушкова, И. А. Слетков (Тамбовский ГУ им. Г. Р. Державина)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 821.112.2.0

ББК 80

Р 88

Редколлегия:

Н. А. Бакиш (отв. редактор литературоведческой части),
Н. Н. Трошина (отв. редактор лингвистической части),
Н. С. Бабенко, А. В. Белобратов, Л. И. Гришаева, Г. И. Данилина,
А. И. Жеребин, Д. Кемпер, Н. В. Пестова, Л. Н. Полубояринова

Рецензенты:

д. ф. н. *Р. В. Гуревич* (Смоленский государственный университет),
д. ф. н. *Е. Е. Анисимова* (Московский государственный лингвистический университет)

Р 88 Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 7. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 360 с.

ISBN 978-5-9551-0440-9

В настоящий ежегодник включены тексты докладов седьмого съезда Российского союза германистов «Парадигмы в языке, литературе и науке», на которой были представлены исследования отечественных и зарубежных германистов — литературоведов и лингвистов. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам съездов, проводимых в рамках РСГ. Включенные в сборник статьи отражают проблематику, связанную с идеей рассмотрения объектов и явлений в терминах парадигмы. Материалы сборника дают представление о современных подходах, о возможностях и перспективах системного изучения немецкого языка и немецкой литературы в рамках парадигмальных построений.

ББК 80

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0440-9

© Авторы, 2010

© Языки славянской культуры, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

Литературоведение

<i>А. В. Белобратов.</i> Парадигмы русских «Историй немецкоязычной литературы»	11
<i>Г. И. Данилина.</i> История науки как теоретическая дисциплина в концепции А. В. Михайлова	26
<i>А. В. Ерохин.</i> «Пространственный поворот» в парадигме современных исследований художественного текста в Германии	34
<i>В. Г. Зушман, Т. Б. Сиднева.</i> Барочная парадигма в музыкальном мышлении И. С. Баха: риторика и мистика	44
<i>Т. М. Кудрявцева.</i> Национальная литературная парадигма: casus Лихтенштейн	53
<i>Е. В. Бурмистрова.</i> Элементы афористической парадигмы в трагедии И. В. Гёте «Фауст»	61
<i>М. Б. Горбатенко.</i> Иоганн Нестрой в России: непереводимость как жанрово-стилевая парадигма	71
<i>E. Cheauré.</i> Die Dichterin und der Tod. Elisabeth Kulman — Elisaveta Kul'man (1808—1825) Zu Paradigmen einer genderorientierten Literaturwissenschaft	78
<i>С. В. Балаева.</i> «Ответ литературным эмигрантам» Г. Бенна и отклики на него: парадигма художественности в условиях смены эпох	91
<i>В. Д. Седельник.</i> Франк Ведекинд: от парадигмы к парадигме и обратно	96
<i>Н. В. Пестова.</i> Смена парадигм художественности в литературном процессе: немецкоязычный экспрессионизм	105
<i>О. А. Дронова.</i> Репортер, инженер или технический аппарат? Образ художника в культуре Веймарской республики	115
<i>Н. И. Платицына.</i> Художественное пространство войны и мира в малой прозе Вольфганга Борхерта	123
<i>А. В. Елисеева.</i> Жанровая парадигма календарной истории и творчество Оскара Марии Графа	131
<i>Г. Г. Ишимбаева.</i> Диалогия Г. Розендорфера о путешествиях Гао-дая в контексте классических травелогов	138
<i>В. Н. Ахтырская.</i> Экфрастическая парадигма в творчестве В. Г. Зебальда	143
<i>М. В. Никитина.</i> Ремифологизация как явление литературы	152
<i>Т. Н. Андреюшкина.</i> Немецкоязычный городской сонет в контексте литературно-исторических эпох	158

Лингвистика

<i>Pavel N. Donec.</i> Über die Gründe des «kulturellen Paradigmenwechsels» in den Geisteswissenschaften	168
<i>А. И. Гришаева.</i> Смена научных парадигм и преподавание лингвистических дисциплин на филологических факультетах	175
<i>Е. В. Милосердова.</i> Прагматическая парадигма языка как отражение социокультурной ситуации в обществе	184
<i>Н. Н. Трошина.</i> Когнитивная парадигма в лингвостилистике	193
<i>С. Г. Катаева.</i> Изменения немецкого политического лексикона: парадигматический аспект исследования	201
<i>М. Р. Желтухина.</i> Контрастивная метафорическая парадигма комического в политическом дискурсе	210

<i>Т. В. Гречушникова.</i> От инструмента до метафоры — грамматические парадигмы в экспериментальной поэзии.....	219
<i>Е. В. Зеленева.</i> Ритуализованность с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования.....	229
<i>Н. П. Дронова.</i> Религиозный код в антропоцентрической парадигме исследования языка и культуры (на примере концепта «Gott»).....	237
<i>Н. А. Ганина.</i> Смена парадигм в ономастике славянских князей Рюгена, Мекленбурга и Померании	245
<i>Н. В. Ушкова.</i> Исследование парадигматических отношений как основание для построения прототипической категории 'Funktionsverbgefüge'.....	254
<i>Т. В. Бурдаева.</i> Парадигма сложного предложения и его функционирование в научно-популярных текстах	262
<i>Г. М. Васильева.</i> Лингвориторическая парадигма в «Фаусте» И.-В. Гёте.....	273
<i>А. А. Чистякова.</i> Личностный дискурс интерпретации художественного текста и проблема доминанты.....	283
<i>Н. В. Муравлёва.</i> Лингвострановедческий словарь в аспекте когнитивной парадигмы.....	291
<i>Ю. М. Чикаткова.</i> Антропоним «Hans» в немецкой литературе XX века.....	300
<i>А. В. Имас.</i> КОФЕ в немецкой и австрийской лингвокультурных парадигмах.....	305
<i>Р. С. Аликаев.</i> Функциональный статус литературного языка и диалекта в немецкоязычной Швейцарии.....	315

Рецензии

<i>А. Е. Лобков.</i> Литературная концептология. Рец. на: <i>В. Г. Зусман.</i> Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Нижний Новгород: Деком, 2001. — 168 с.	324
<i>Е. Е. Дмитриева.</i> Не «странное сближение», но живой механизм культуры. Рец. на: <i>И. Н. Лагутина.</i> Россия и Германия на перекрестке культур. М.: Наука, 2008. — 342 с.	328
<i>Р. Ю. Данилевский.</i> «Концепт индивидуальности» в творчестве И. В. Гёте. Рец. на: <i>Кемпер Д.</i> Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна. М.: Языки славянской культуры, 2009. — 384 с. Подлинник: <i>Kemper D.</i> Ineffabile. Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne. München, 2004.	332
<i>Ю. С. Лилеев.</i> Рец. на: История австрийской литературы XX века: В 2 т. М., 2009—2010 / Отв. ред. В. Д. Седельник. Т. 1. 2009. — 632 с.; Т. 2 (1945—2000). — 576 с.	336
<i>Walter Methlagl.</i> Рец. на: <i>Tatjana Fedjaewa.</i> Wittenstein und Russland. Sankt Petersburg: Izdatelstvo pisatelej Duma, 2009. — 240 с.	340
<i>Т. В. Кудрявцева.</i> Рец. на: <i>Н. В. Пестова.</i> Случайный гость из готики: русский, австрийский, немецкий экспрессионизм. Екатеринбург, 2009. — 297с.	343
<i>Г. И. Данилина.</i> «Эстетика перевернулась»: интертекст русско-австрийского модернизма. Рец. на: <i>А. И. Жеребин.</i> Абсолютная реальность («Молодая Вена» и русская литература). М.: Языки славянской культуры, 2009. — 160 с.	346
<i>Н. С. Бабенко.</i> Рец. на: <i>И. И. Ревзин.</i> Структура немецкого языка / Предисл. О. Г. Ревзиной. М.: ОГИ, 2009. — 400 с. — (Нация и культура: лингвистика / Научное наследие).....	349
<i>В. И. Картов.</i> Рец. на: <i>D. Dobrovol'skij, E. Piirainen</i> Zur Theorie der Phraseologie. Kognitive und kulturelle Aspekte. Stauffenburg Verlag. Tübingen, 2009. — 211 S.	354

ОТ РЕДАКЦИИ

Седьмой съезд Российского союза германистов, посвященный проблеме изучения парадигм в языке, литературе и науке, состоялся 19—21 ноября 2009 г. в Тамбове. В работе съезда приняли участие около 70 докладчиков из 26 городов России, а также коллеги из Германии, Швейцарии и Украины. Пленарные и секционные заседания проходили в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина. Президиум РСГ благодарен сотрудникам университета, взявшим на себя труд по организации и проведению съезда.

В предлагаемом вашему вниманию седьмом томе «Ежегодника РСГ» публикуются доклады, прозвучавшие на съезде.

Выбранная тема, как традиционно принято на съездах РСГ, затрагивает проблему, в равной степени представляющую интерес для литературоведов и лингвистов.

Первый раздел «Ежегодника» (**Литературоведение**) открывает статью А. В. Белобратова «Парадигмы русских историй немецкой литературы», дающей обширный экскурс «Историй» и заставляющий задуматься над переосмыслением такого важного для современного германиста-историка литературы типа текста. На ином, теоретическом уровне к этой же проблеме обращается Г. И. Данилина, говоря о важности понимания истории науки как истории литературного сознания, целью которой является «авторerefлексия перед лицом актуальных проблем» (А. В. Михайлов).

А. В. Ерохин рассматривает такое важное явление, как «пространственный поворот», в качестве новой парадигмы современных исследований художественного текста в Германии.

О гендерной парадигме в литературоведении пишет Элизабет Шоре. О специфике национальной литературной парадигмы размышляет Т. Кудрявцева на примере княжества Лихтенштейн.

В категориях парадигматики описываются определенные элементы поэтики у писателей разных эпох: так, Е. В. Бурмистрова рассматривает афористичность трагедии «Гёте», Н. И. Платицина — художественное пространство малой прозы Борхерта, а В. Н. Ахтырская — экфрасис в творчестве В. Г. Зебальда.

Не обойдена вниманием оказывается и жанровая парадигма: А. В. Елисеева обращается к календарной истории в творчестве О. М. Графа, Г. Г. Ишимбаева к классическим травелогам в творчестве Розендорфера, а Т. Н. Андреюшкина — к немецкоязычному городскому сонету.

Об определенных эпохальных парадигмах пишут В. Г. Зусман и Т. Б. Сиднева, исследуя барочную парадигму в музыкальном мышлении Баха, С. В. Балаева и Н. В. Пестова, говоря о смене парадигм художественности на рубеже XIX—XX вв. М. В. Никитина рассматривает ремифологизацию как парадигму постмодернизма.

Непереводимость творчества национального австрийского классика Нестроя М. Б. Горбатенко определяет как «жанрово-стилевую парадигму».

Парадигму образа художника в приложении к Веймарской республике рассматривает О. А. Дронова, и наоборот, о художнике, не вписывающемся ни в какую парадигму, пишет В. Д. Седельник (Франц Ведекинд).

Второй раздел ежегодника (**Лингвистика**) отражает исследования германистов по разным аспектам, связанным с описанием немецкого языка с точки зрения парадигматических характеристик его строения и функционирования.

В русле общенаучных проблем, связанных с изучением культурных и образовательных процессов в терминах парадигматического представления знаний, выполнены статьи П. Н. Донца о смене культурных парадигм в гуманитарных науках, Л. И. Гришаевой о смене научных парадигм и преподавании лингвистических дисциплин на филологических факультетах, а также Е. В. Милосердовой, рассматривающей связь прагматической парадигмы языка с социо-культурной ситуацией в обществе.

Возможности парадигматической трактовки языковых явлений в лингвостилистике раскрываются в статьях Н. Н. Трошиной с позиций когнитивистики, С. Г. Катаевой на материале политического лексикона и М. Р. Желтухиной применительно к метафорике комического в политическом дискурсе.

Особая функция грамматических парадигм в экспериментальной поэзии обсуждается в статье Т. В. Гречушниковой. С позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы рассматриваются ритуальные тексты в статье Е. В. Зеленовой. В рамках антропоцентрической парадигмы Н. П. Дронова исследует концепт *Gott* в религиозном дискурсе. Лингвориторическая парадигма моделируется на примере текста «Фауста» И.-В. Гёте в статье Г. М. Васильевой. На материале художественных текстов выполнены статьи Л. А. Чистяковой и Ю. М. Чикатковой.

Н. А. Ганина обращается к историческим изменениям в ономастике славянских князей Рюгена, Мекленбурга и Померании. Парадигматические отношения внутри отдельных языковых категорий рассматриваются в статьях Н. В. Ушковой на примере прототипической категории 'Funktionsverbgefüge' и Т. В. Бурдаевой на материале сложного предложения и его функционирования в научно-популярных текстах. Лингвокультурные и национально-специфические особенности языка и их проявление на уровне парадигматических отношений освещаются в статьях Н. В. Муравлевой на материале лингвострановедческого словаря, А. В. Имас на примере слова «кофе» в немецкой и австрийской культурах, Р. С. Аликаева, рассматриваю-

щего функциональный статус литературного языка и диалекта в немецкоязычной Швейцарии.

В сборнике представлены 10 рецензий на работы последних лет в области литературоведения и лингвистики. Причем акцент сделан на трудах коллег из регионов, чьи важные исследования не всегда оказываются доступны широкому кругу.

Президиум РСГ благодарит за поддержку Немецкую службу академических обменов (DAAD, Бонн) и Австрийский культурный форум при Посольстве Австрии (Москва).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А. В. БЕЛОБРАТОВ

(Санкт-Петербургский государственный университет)

ПАРАДИГМЫ РУССКИХ «ИСТОРИЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Иерархия жанров литературоведческого исследования помещает на самый пик, на вершину научной деятельности, написание академической истории литературы. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что именно этот тип исследовательского текста, наиболее трудо- и материалоемкий, рассчитанный на длительную дистанцию, — истории литературы пишутся не один год, — требующий чрезвычайно высокой квалификации и большого научного опыта и имеющий солидную репутацию, в 1970-е гг. был одним из остро обсуждавшихся в Германии, более того, максимально подвергалась сомнению сама возможность существования жанра «История литературы», по крайней мере, в рамках прежней его парадигмы. Ведь подобный жанр, — в нашем случае — «История немецкоязычной литературы», — очень тесно, может быть, намного теснее, чем монографические публикации, связан именно с бытующей, господствующей парадигмой восприятия материала, то есть восприятия самой истории словесности, с парадигмой культурного знания и отношения к возможности и необходимости его комплексного научного описания.

Отечественная теоретико-историческая мысль обратилась к подобной проблематике лишь в 1990-е гг. — по понятному ряду причин, в основном идеологического плана¹. В 2003 г. журнал «Новое литературное обозрение» посвятил объемистый номер «Другим историям литературы», дав выступить сторонникам самых разных позиций, которых, впрочем, объединяло одно — неудовлетворенность современным состоянием литературной историографии. Из литературоведов-зарубежников в дискуссии приняла участие Т. Д. Венедиктова, размышлявшая о том, что наша «история литературы {...} продолжает исходить из наивно-традиционного представления об

¹ См.: *Michailow A.* Zum heutigen Stand der Germanistik in Rußland. Ein vorläufiger Bericht // *Germanistik in Mittel- und Osteuropa: 1945—1992* / Hrsg. von Ch. König. Berlin; New York, 1995. S. 183—201; *Belobratow A.* Zur Rezeptionsgeschichte der östererichischen Literatur in Rußland (Versuch einer Problembeshreibung) // *Geschichte der östererichischen Literatur* / Hrsg. von D. G. Davio, H. Arlt. St. Ingbert, 1996. Teil II. S. 633—639.

истории как описанию того, “что было на самом деле”». По мнению исследовательницы: «Модель литературной истории, принятая на сегодня в качестве “базовой”, восходит к началу XIX столетия (...). Оттуда, из позапрошлого века, — расположенность нашей дисциплины к построению всеобъемлющих систем (чем обобщеннее, тем концептуальнее), причинному объяснению явлений (...), подчеркнутой объективности, научности языка и стиля (...), убежденность в объективности и непрерываемости “основополагающих” посылок, упование на системность и эволюционную преемственность описания как гарантии полноценного осмысления материала»².

Как легко заметить, здесь перечислены многие теоретико-методологические принципы отечественного академического литературоведения — перечислены и представлены если и не с абсолютно отрицательным знаком, то, по крайней мере, под знаком вопроса. Упоминается и оборотная сторона такой академичности: «жесткость детерминистской, монологической логики (...), бессознательный идеологизм (нераспространение рефлексии на собственную, подразумеваемо объективную эстетическую норму, которая мыслилась к тому же аналогом нормы этической и эпистемологической, так называемой “правды жизни”)»³.

Еще один дискуссионный, А. Ф. Строев, отчетливый противник академического подхода к комплексной литературной историографии, декларировал следующее: «Академическая” история литературы была таким же популяризаторством, как учебник, только рассчитана она была не на студентов, а на их преподавателей. Наиболее тяжкое впечатление производили тома “Истории всемирной литературы”. Амбициозный проект (...) выродился в очерки национальных литератур и описание творчества отдельных писателей. (...) Привлечение большого числа авторов неизбежно приводило к концептуальному разнобою, исчезновению единой научной цели, а неизбежная реферативность препятствовала постановке и решению исследовательских задач»⁴.

Вероятно, справедливо замечено, что «кризис литературной истории как научного жанра продолжается не менее трех десятилетий. Во многом этот кризис — часть общего кризиса историографии»⁵. Не стану останавливаться на этом подробно, упомяну только, что историки в конце 60 — начале 70-х гг. подвергли осмыслению и поставили под сомнение парадигму объективной историографии, не учитывающей ни ограниченную полноту и многозначность историчес-

² Венедиктова Т. О пользе литературной истории для жизни // Новое литературное обозрение (далее — НЛО). 2003. № 59. С. 13—14.

³ Там же. С. 14.

⁴ Строев А. История литературы: воспоминание о будущем // НЛО. 2003. № 59. С. 337.

⁵ Щербенок А. История литературы между историей и теорией: история как литература и литература как история // НЛО. 2003. № 59. С. 158.

ких фактов, ни, что наиболее существенно, точку зрения наблюдателя-интерпретатора, его необратимую субъективность в отборе фактов, принципов их описания и интерпретационных моделей.

На упомянутой дискуссии прозвучали и еще более критические голоса — уже из рядов «не-зарубежников». Б. В. Дубин с Л. Д. Гудковым предельно повысили градус полемики против академического литературоведения у нас в стране: «В университетских учебных курсах или академических многотомниках доминирует установка на эпический тон при описании течения литературы». У нас «нет необходимости в самостоятельном понятии истории, ее многомерном, конструктивном видении, условно-альтернативных концепциях»⁶. В работах историков литературы осуществляется «компиляция уже скомпилированного старшими коллегами материала ⟨...⟩, с середины 1960-х пошел откат советского марксистского литературоведения, ⟨...⟩ начавшего возвращаться к прежней эклектике XIX века под видом “историко-функционального” направления или “историко-сравнительного метода”»⁷. При этом Б. В. Дубин в статье, посвященной литературоведу-американисту А. М. Звереву, подчеркивал особо слабую позицию отечественных историков зарубежной литературы: «советские литературоведы-зарубежники ⟨...⟩ были ⟨...⟩ отсечены от обсуждения общих философских, исторических, социологических да и любых иных идей и концепций, вне которых не могут сформироваться разные представления собственно о литературе, ее месте в обществе и культуре, а значит — о ее историчности и истории». В сосредоточенности «на просветительской задаче “вести в отечественный культурный обиход”, дожившей, увы, до нынешнего дня», в необходимости «едва ли не по-школьному подробно пересказывать содержание»⁸ Дубин видит и основное свойство, и основной порок «традиционной» литературной историографии.

В кратко представленной полемике отечественных исследователей затрагиваются два основных типа «истории литературы»: во-первых, это так называемые концептуальные истории, основанные на — далеко не всеохватном — видении литературного процесса сквозь призму определенной методологии (психоаналитическая, гендерная, постколониалистская история литературы, история литературы как история ее рецепции — назову только отдельные концепции, могущие быть положенными или лежащие в основе ряда историй литератур, в том числе и историй национальных литератур). Во-вторых, это «академические» истории литературы, призванные «не конструировать некую фиктивную реальность, а разбираться в той реальности, которая существовала некоторое ⟨...⟩ время, и

⁶ Гудков Л., Дубин Б. «Эпическое» литературоведение: Стерилизация субъективности и ее цена // НЛО. 2003. № 59. С. 211—212.

⁷ Там же. С. 223.

⁸ Дубин Б. Работник // НЛО. 2003. № 64. С. 226.

описывать ее как совокупность достаточно сложных проблем, особенно сложных потому, что мы уже знаем их не в силу непосредственного переживания, а как нечто чужое, доступное лишь научному изучению⁹. Особый тип представляют так называемые «педагогические» истории литературы: речь здесь идет о вузовских учебниках и популярных, «кратких» историях литературы.

Любопытно, что при всей критической настроенности к системности описания литературного процесса отечественные ученые в своих теоретических размышлениях не обращаются к доминировавшей в западном литературоведении с начала 1970-х гг. концепции, в соответствии с которой «История литературы» возможна только как собрание отдельных очерков, посвященных определенному периоду или явлению, очерков подчеркнута субъективных, не суггерирующих некое «объективно» установленное единство. Впрочем, как будет показано ниже, такой тип литературной историографии, не осмысливаемый теоретически, находил у нас реализацию на практическом уровне, эклектически уживаясь с заявляемыми постулатами «целостности», «системности» и «единства».

Обращаясь к проблеме, связанной с существованием жанра «Истории немецкоязычной литературы» в русском культурном пространстве, следует заметить, что жанр этот востребован у нас в стране крайне мало, хотя движение в этом направлении отмечено еще в 1830-е гг. «Истории немецкой литературы» на русском языке ведут свое начало от обзорных очерков истории литературы Германии по различным ее эпохам. Сами же обзорные очерки возникли на основе лекционной практики их авторов, так называемых «лекторов немецкого языка», немцев, преподававших в русских университетах и остро нуждавшихся в опубликованном материале такого рода. К первым публикациям относятся работы Федора Кистера (Кюстера), лектора немецкого языка в Московском университете в 1823—1834 гг.¹⁰, и Иоганна Кристофа Геринга (Гёринга), с 1834 г. преподававшего немецкий язык в Московском университете¹¹. Примечательна и публикация Юлиа Карловича (Юлиуса Цезаря) Фелькеля, лектора немецкого языка в Московском университете и преподавателя общей истории и немецкой литературы в Александровском институте для сирот с 1845 г.¹²

⁹ Богомолов Н. Несколько размышлений на заданную тему // НЛО. 2003. № 59. С. 182.

¹⁰ Handbuch der Geschichte und Charakteristik der schönen Literatur der Deutschen. Zum Gebrauche der Vorlesungen über deutsche Literatur. Moskau, 1833.

¹¹ «Сравнительный синтаксис и исторический обзор немецкой литературы» опубликован Кистером в 1830-е гг.; Chrestomatie oder Systematisch geordnete Auswahl lehrreicher und anziehender Stücke aus Prosaisten und Dichtern zum Gebrauch beim Übersetzen aus dem Deutschen ins Russische. Moskau, 1834, 2. Aufl.: 1842.

¹² Geschichte der deutschen Literatur für Rußland. Moskau, 1857.